

The nature of political laughter: elites in the light of carnival political culture

---

Pavel L. Karabuschenko

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

Political carnival most often evokes a satirical assessment associated with the unprofessional behaviour of elites and their leaders. In this non-standard state, many subjects of elites begin to behave in an inadequate manner, discrediting the very profession of politician, imperceptibly for themselves, but noticeably for others, transforming from politician to politician (from the subject of power to its object). Political carnival turns out to be the process that accompanies this transition. Political carnival becomes a kind of compensation for the inadequate level of professional competence of politicians. It compensates (makes up for) the lack of elitism in the elites. The political carnival amazes the public with the unpunished and irresponsible behaviour of political puppets vested with power.

The resulting political satire allows not only to denounce incompetent power by exposing its crimes, but also to create social unity in critical assessments of the domination of the political class.

In order to understand the essence of political carnival, works on analysing the laughter tradition (M.M. Bakhtin, D.S. Likhachev, S.S. Averintsev, A.V. Dmitriev, etc.) are applicable. In the present elitological study we intend to examine the nature of political laughter (humour and satire), which is born in the elites as a result of the activation of carnival political culture.

Keywords

Elites; political laughter; satire and humour; carnivalesque political culture; political carnival; political joke; political buffoonery; theatre of the absurd; humanism.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Природа политического смеха: элиты в свете карнавальной политической культуры

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский Государственный Университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Политический карнавал чаще всего вызывает сатирическую оценку, связанную с непрофессиональным поведением элит и их лидеров. В этом нестандартном состоянии многие субъекты элит начинают себя вести неадекватным образом, дискредитируя саму профессию политика, незаметно для себя, но заметно для других трансформируясь из политика в политикана (из субъекта власти в ее объект). Политический карнавал и оказывается тем процессом, который сопровождает этот переход. Политический карнавал становится своего рода компенсацией за несоответствующий уровень профессиональной компетенции политиков. Он компенсирует (восполняет) недостаток элитности в элитах. Политический карнавал поражает публику безнказанным и безответственным поведением политических кукол, облеченных властными полномочиями. Рождающаяся вследствие этого политическая сатира позволяет не только обличать некомпетентную власть, разоблачая ее преступления, но и создавать общественное единство в критических оценках господства политического класса.

Для понимания сущности политического карнавала применимы работы по анализу смеховой традиции (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, А.В. Дмитриев и др.). В настоящем элитологическом исследовании мы намерены рассмотреть природу политического смеха (юмора и сатиры), который рождаются в элитах в результате активизации карнавальной политической культуры.

Ключевые слова

Элиты; политический смех; сатира и юмор; карнавальная политическая культура; политический карнавал; политический анекдот; политическое шутовство; театр абсурда; гуманизм.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В политической истории зафиксировано немало случаев, когда серьезные политики шутили или высказывали остроумные умозаклучения. Но эти их шутки, которые со временем превращались в исторические анекдоты, свидетельство элитности их ума. А карнавальный политический смех – юмор и сатира – совершенно иного уровня, скорее всего показывающий невежественность и дикость тех персонажей, которые занимают в политике элитарные позиции.

Для серьезной и полноценной элиты нет ничего более унижительного и постыдного, чем попасть под обвинения в позорном карнавальном поведении. И, тем не менее, многие представители политических кругов охотно принимают участие в различного рода политических играх и спекуляциях, подвергая испытанию не только свою репутацию, но и судьбы своих стран и народов. Подобные обвинения возникают при наличии девиантного поведения её субъектов, что приводит к дискредитации их элитных качеств и оценки элиты как важной исторической группы; обнаруживается деградация всего её профессионального пространства, а усиление в ее практике демагогии, будет свидетельствовать о наступлении в ее истории периода декаданса. Именно девиация, деградация, дискредитация, демагогия и декаданс («пять Д») и приводят к «шестому Д» – демонизации элит и их лидеров. Всё это не только предшествует политическому карнавалу, но и активно присутствует в нем.

Политический карнавал воспринимается элитами как отход от нормы, а публикой как издевательство над самой политикой; элиты делают вид, что они занимаются серьезной реальной политикой, тогда как на самом деле они в нее играют, а публика наблюдает за этой ее игрой, получая возможность узнать об элитах и их лидерах всю правду о их природе. Получается как минимум две точки зрения на одно событие. Третья точка зрения – это точка зрения кукловодов, которые находятся вне сферы публичной политики, за ее кулисами. Мы постараемся представить все обозначенные точки зрения, потому что с разных позиций политический карнавал может выглядеть совершенно иначе и не походить сам на себя.

Методология

Исследование карнавальной политической культуры всегда требует от исследователя уточнения его методологических принципов и приемов. Определенную сложность в исследовании этого вопроса представляет терминологическая нестабильность. В некоторых случаях обнаруживается терминологический вакуум, в других, напротив, избыток публицистической терминологии. Навести порядок в терминологическом аппарате карнавальных политических исследований пока не представляется возможным. Еще А.Г. Козинцев в своих исследованиях смеховой культуры задавался вопросом: «не описываем ли мы

одно и то же в разных терминах»? (Козинцев, 2002б, стр.215). Именно терминологическое рассогласование и вносит наибольшее непонимание и разночтение в оценках сущности карнавальной политической культуры.

В настоящем исследовании карнавальной политической действительности мы будем исходить из анализа поведения западных политиков (в частности, публичных лидеров США и ЕС), которые своими практиками создают обширную панораму действующего политического карнавала. Создаваемый ими политический карнавал оказывается самой настоящей сатирой на них самих. Происходит саморазоблачение политической элиты и элитологии ничего не надо делать, чтобы разоблачать некомпетентное поведение власти. Сама власть делает все это за ученых, дает им богатейший эмпирический материал по политическому карнавалу, и нам лишь остается его суммировать и анализировать общие тенденции и закономерности.

Познание сущности политического карнавала лучше всего вести через анализ культуры политического смеха. Политическая смеховая культура делится на политический юмор и политическую сатиру, но на практике чаще всего идет одним сплошным попеременным потоком.

Для анализа природы возникающей на базе политического карнавала политической сатиры и юмора, мы используем данные отечественных ученых, которые ранее занимались этой темой (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, А.В. Дмитриев и др.). Их подсказки помогут нам в нашем собственном анализе природы карнавальной политической смеховой культуры.

В качестве базовой гипотезы, мы будем исходить из понимания политического карнавала как провокации, злонамеренно упрощающей все, вплоть до полного извращения исходного смысла и значения. Участвующие в карнавальном действии (акции) персонажи автоматически опускаются на одну ступень в своем культурном развитии. Они осознанно упрощают нормы морали, отключают рациональное критическое мышление, отказываются от своих культурных различий (идентификации). Но самое главное они отказываются от себя как полноценной (самодостаточной) личности.

К уточнению природы сущности политического карнавала

Как сложное и многогранное явление политической культуры политический карнавал постоянно нуждается в уточнении своих как общих, так и частных характеристик. И этот бесконечный процесс уточнения и поправок свидетельство того, что перед нами действительно сложное явление – эклектическое по своей сущности и химерическое по своему основанию. Как химера политический карнавал действительно эклектичен и эта его бессистемность – главная сложность в процессе его научного познания.

К уже существующим типологиям элит, мы намерены добавить еще одну. Образно говоря, в политике есть элита «лошадей» (трудоголики, те, на которых все пашут и выезжают) и есть элита «ослов» (те, кто выдает себя за лошадей). Последние и являются участниками карнавального политического действия. Количественно «ослы» всегда доминировали над «лошадьми». «Ослы» необходимы, чтобы на их фоне оттенялись «лошади». «Лошади» – это лидеры (сообщество лидеров, как высшая элита), «ослы» – это аутсайдеры (те, кому никогда не стать лидерами). Когда они неудачно между собой соединяются, на свет появляются «мулы» – нечто совершенно бесполое, бесплодное и бесполезное, имитирующее то «лошадей», то «ослов», но которое при этом не является ни тем и не этим.

Согласно этой классификации, современные западные элиты являются элитами «мулов». Такие элиты привыкли все упрощать. Но упрощать не в лучшую сторону (в сторону роста качества), а в худшую (в сторону его разрушения). У них искаженная шкала ценностей, весьма примитивный жизненный опыт и такой же схематичный путь профессиональной карьеры. Шаблонность мышления мешает им проявлять творческие способности там, где от них это требуют жизненные обстоятельства.

Политический карнавал выполняет роль полюса, противоположного реальности, нужного для равновесия. Это «клапан» для выпуска негативного пара. Политический карнавал стирает позолоту с элит. Это сигнал деградации элитных сообществ и их ничтожных лидеров.

Ещё российский антрополог профессор А.Г. Козинцев отмечал, что когда классический карнавал меняет радикально свое содержание, то возникает эффект декарнавализации. «Декарнавализация – это перераспределение шуточной агрессии в подлинную, мотивы которой связаны с повседневностью или ритуалом, но только не с игрой и не с дружелюбием. Такая аберрация не имеет параллелей в животном мире и всецело обусловлена культурой. Она обозначает трагический разрыв человека с его эволюционным прошлым» (Козинцев, 2002б, стр. 214). Собственно сам политический карнавал выступал по отношению к классическому карнавалу именно как декарнавализация, поскольку переводит все подлинно карнавальное в плоскость якобы серьезных политических отношений.

СМИ фиксируют рост карнавальности в политических кругах. При этом есть понимание того, что власти не умеют смеяться. Власти утратили чувство юмора и лишь делают вид, что им смешно. «Власти не смешно, когда она смотрится в зеркало. При ней не осталось даже шутов, чтобы иногда заставить ее сомневаться в обоснованности своей звериной серьезности – то есть клоуны – то есть, и цирк остается нетронутым, но это злые клоуны, способные лишь на лесть и поддакивание. И это самое плохое, что может произойти с оптикой и слуховым аппаратом власти – она перестает видеть и слышать, сохраняя лишь

способность надзирать и наказывать, упоенно, вслух разговаривая при этом на жаргоне бань, комнат отдыха и разборов полетов» (Колесников, 2018).

Неприлично когда власть начинает вести себя в соответствии канонов политической культуры социальных низов. Такое поведение власти приводит её к полной десакрализации. «Десакрализованная власть утрачивает всю свою величественность, провоцирует фамильярное к ней отношение, становится смешной. Не место ей на карнавале, она не его участник, а объект пародии, ведь «целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему типу) культуре церковного и феодального средневековья» (М.М. Бахтин). Становясь частью карнавала, она превращается в пародию на саму себя».⁵ Неспособность к смеху является признаком тупости и порочности (Пропп, 1999).

Участники политического карнавала «веселятся», выполняя свои политические функции, не обращая внимания на то, что над ними самими смеются другие. Но если смех у участников политического карнавала чаще всего носит неестественный (надуманный отрепетированный характер), то смех над ними чаще всего носит естественный характер. Это не только бегство от проблем реального мира, но и маниакальное желание не замечать опасности и порождающий ею страх. Смех как раз и есть преодоление этого страха. Унаследованные нами от предков основы смысла смеха, остались неизменными и одновременно это был сигнал о том, что это всего лишь игра. Смех служит сигналом несерьезности агрессии.

«Нельзя» в политическом карнавале действует как провокация, как подстрекательство к тому, что запрещенное можно.

Карнавальный кризис современных политических элит

Концентрация глупости и смеха в политическом карнавале заставляет многих морщиться и отрицательно качать головой, увидев в этом свидетельство отсутствия культуры. Но в таких действиях есть все-таки своя определенная политическая культура и имя этой культуры – карнавальная. Но эта карнавальная политическая культура оценивается как антикультура.

В вертикальном плане политический карнавал уничтожает власть (ее авторитет, иерархию и сакральность), а в горизонтальном плане – разрушает межкультурные и межкулицизационные связи и взаимодействия, нивелирует ценности и основанные на них традиции. Катализатором роста (усиления) карнавальной политической культуры в западных элитах является их зависи-

5 СМИ фиксируют эту особенность политической власти: «Смех развенчивает звериную серьезность власти – и нет для нее ничего страшнее, чем стать смешной и нелепой... Карнавал, как нас учил Михаил Бахтин, переворачивает все вверх дном, а власть предполагает строгую иерархию без всяких там переворотов. Но когда на экране появляется официальное лицо, генерал при всех регалиях и, используя субкультуру и язык казармы и подворотни, угрожает частному лицу – это и есть карнавал в чистом виде... Власть не должна давать повода для гиперболизации своих свойств и черт – например, погон или фуражки, для нее нежелателен, в пропповских терминах, «комизм сходства» (военный у микрофона вызывает исключительно, скажем деликатно, латиноамериканские ассоциации)». (Колесников, 2018).

мость от ультралиберальных ценностей, которые фактически превратили либерализм в т.н. «либеральный фашизм» (в откровенную тоталитарную политическую секту).

Политический карнавал – игровое антиповедение политиков, как стремление уйти от неудобной для них политической действительности, где надо решать серьезные проблемы и вопросы. Политический карнавал есть насмешка над объективной действительностью, когда шутовское начинает доминировать над серьезным.

Кощунство посягает на сакральность, высмеивая ее догматы, издеваясь над слепой верой в ее чудесный способ происхождения. Политический карнавал требует от всех притворства. Это его общее правило – без притворства нет игры, а игра призвана снять существующую напряженность, перевести ее в безопасную опцию. Рассказывать небывицы безопасно, когда все согласны в них верить.

Нас удивляют участники политического карнавала. Мы видим безумную концентрацию в одной голове позорно низкого профессионализма, откровенного бреда. Они уверены, что правильно понимают ход истории, точно знают, куда она движется, они уверены, что живут в самом прекрасном мире и все у них прекрасно.

Когда власть начинает откровенно вести себя в режиме *commedia dell'arte*, она реально становится слабой и эмоционально уязвимой. Примитивное восхваление власти оценивается критически настроенным сообществом как признак слабоумия (классический пример бравый солдат Швейк, слабоумие которого врачи-психиатры выявили потому, что он всерьез выкрикивал: «Да здравствует император Франц Иосиф Первый!»). В площадном театре Петрушка всегда побеждает надутых в своей серьезности персонажей и высмеивает порок и лицемерие. И в этой победе выражалось сакральное желание народа хоть как-то одолеть всесильную власть. Власть может ответить на это выпад самоиронией. «Власть умеет иронизировать. Но ее ирония не смешная, а злая, выраженная клишированным языком пресс-секретарей, «высмеивающих» супостатов с Запада. Этот стиль современен лишь по средствам доставки, а по форме и содержанию он чрезвычайно архаичен и отсылает к пропагандистским лингвистическим образцам конца 1940–начала 1950-х годов: это агрессивная ирония и злобный смех, предшествующие погрому и аресту» (Колесников, 2018).

Аксиология политического карнавала

Юмор политического карнавала рождает сатиру оценок его деятельности. Сатира, как правило, исходит или со стороны кукловодов, или со стороны критически настроенной публики. Сатира может быть и внутри самого кукольного сообщества, как попытка дискредитации своих конкурентов. Но это

высмеивание недостатков своих оппонентов является частью карнавального действия.

С точки зрения находящегося за кулисами политического театра абсурда кукловода, политический карнавал представляет собой весьма серьезное политическое действие, связанное с манипуляцией политического материала в его конкретных интересах. Кукловод точно понимает цели и задачи на реализацию которых направлены его манипулятивные действия. Он знает как, зачем и почему действуют его политические куклы. Для него то, что происходит, смешно настолько, насколько он сам распространяет на своих марионеток свое чувство юмора.

С точки зрения публики политический карнавал есть форменное безобразие, деградация извращенной своим беззаконием (безнаказанностью и безответственностью) власти. Устраиваемый политиками околополитичный шабаш, указывает не только на кризис самой элиты, но и на кризис конкретной политической системы.

С точки зрения самих кукол-марионеток, они просто хулиганят, выдавая свое хулиганство за серьезные политические процессы. Но среди них нет ни одного актора. Здесь все – актёры. Сама смысловая игра этих двух слов (актор и актёр) уже говорит о многом. Здесь персоны (личности) становятся персонажами (масками), политики превращаются в политиканов, элиты в элитки и т.д. И действительно на практике политический карнавал притягивает к себе всю «политическую мелочь». «Серьезные люди» его сторонятся, а если и принимают в нем участие, то только в качестве кукловодов. Поэтому здесь нет масштабных личностей. Преобладают жулики «трехкопеечного воровства» (площадной характер карнавала требует использование соответствующего «площадного словаря»). Смешным является то, как эти «мелкие людишки» играют в выдающихся и великих политиков. Политиканы изо всех сил лезут в политики. Отсюда и вес их слов – никакой (нулевой или даже отрицательный). Им бы промолчать и сойти за умного. Но жизнь заставляет их без умолка щебетать, выдавая всю нищету и убожество своего духа.

Политические куклы вообще любят выдавать желаемое за действительное. Особенно они любят настаивать на том, что они самостоятельные политические фигуры и что обвинения в том, что у них есть кукловоды, просто смехотворны.

Что касается ценностей, которые исповедуют участники политического карнавала, то мы должны взять само слово «ценности» в кавычки. Все, что там называется «ценностью», оказывается с приставкой «анти-». И эти самые «анти» у них как раз больше всего и ценятся – ценятся ложь и лицемерие, ценится демагогия и двойные стандарты, огульная демонизация противника и бесстыдное восхваление своих собственных мнимых достоинств.

Политический карнавал и новое варварство

Та архаизация политической культуры, которую мы наблюдаем при новом варварстве, неизбежно приводит политиков в состояние политического карнавала. Для таких политиков трансформация в политиканов и означает участие в политическом карнавале. Своими скандальными заявлениями и эпатажным поведением они сами становятся источником политического юмора и открытой сатиры на них.

С одной стороны политический карнавал все упрощает, но с другой может доводить до абсурда и уже существующую простоту. В этом и заключается вся пошлость политического карнавального действия – он бывает ярким по форме, но совершенно убогим по содержанию.

Политический карнавал порождает у его участников чувство беззаботности и безнаказанности. Он снимает с них любую ответственность: политики (акторы) становятся политиканами (актёрами), элиты – элитками, персоны – персонажами, взрослые – детьми... Впавшие в детство оказываются вне поля критического мышления, они наивны и доверчивы. Они делают вид, что невинны. Но эта их невинность есть их притворство, есть их великое лицемерие.

Политический карнавал можно также рассматривать и как проявление «нового варварства», о котором в свое время писали еще Н.А. Бердяев и Х. Ортега-и-Гассет. Это, как правило, упрощенные практики, обращенные как к архаическим культурным ценностям, так и к различного рода современным фэнтези. Их идеалами становятся герои и героическое, лишённые какой-либо связи с реальностью. Эти выдуманные миры оказываются средами их обитания.⁶

В политическом карнавале активно идет и «конец истории», и «конец географии»: границы реального и нереального размываются, утрачивается связь с объективностью, диалектика превращается в свою противоположность, а от логики не остается и следа. Человечество приходит к новому варварству. И это варварство есть порождение этой цивилизации.

Еще Ю.М. Лотман отмечал, что цивилизация для того, чтобы идентифицировать себя как нечто целое, ценное и особое, создает образ «другого», в котором часто выступают ее враги. С этой целью эти «другие» наделяются чертами «варваров», живущих в своем «варварском мире». И этот мир является «перевертышам» их мира цивилизации. (Лотман 1992, стр. 15). В таких конструкциях «другие» выглядят весьма искусственно, нарочито надуманно,

6 Специалисты поясняют: «Под “новым варварством” нами подразумеваются осознанные и целенаправленные нелегитимные насильственные действия в отношении людей, культурных ценностей и артефактов – материальных и духовных, нормативных основ общества, а также природы, сопряженные с архаичными и упрощенными социальными практиками. Варварство в современном мире рассматривается именно как порождение цивилизации, т.е. эти два понятия образуют бинарную оппозицию» (Зарубина, & Кравченко, 2022, стр. 32).

клубочного, схематично. Им попросту отказано в человечности. В глазах цивилизации варвар всегда расчеловечен.

В понимании сущности политического карнавала и нового варварства очень много схожих моментов. «Варварство при такой аналитической перспективе может быть представлено как негативный побочный продукт в виде архаизации и деградации, сопровождающих поступательное цивилизационное развитие, к которому не может адаптироваться часть общества. В цивилизационном анализе оно может быть интерпретировано как “побочные потери” процесса поисков адекватного ответа на вызовы “осевого времени” в виде деструктивного и агрессивного взаимного отторжения “вторичных” элит и их последователей в контекстах активных протестных движений и революционных преобразований» (Зарубина, & Кравченко, 2022, стр. 34).

Упрощение и архаизация возвращает участников политического карнавала в первобытное сознание, к шутовским традициям, к временам рождения архетипов и бессознательного, т.е. к тем временам, когда существующие в наше время и в нашем мире идеи были еще несформированными. Но в наше время политический карнавал раскалывает эти уже сформированные идеи и делает их опять разобранными на части. Отсюда и такое странное стремление участников политического карнавала уйти как можно дальше от логики, морали и диалектики, в сферу действия чистой воли.

Интеллектуальные центры Запада демонстрируют устойчивую научную недееспособность. Иллюстрацией этой устойчивой недееспособности стал Ф. Фукуяма, который вообще утратил связь с реальностью (выдаваемые им сентенции давно уже стали притчей во языцех, его откровенно троллят в мировом научном сообществе). Уровень доверия и уважения к такой «науке» оказывается весьма условным (Зарубина, 2017). Подобного рода упрощение есть разновидность нового варварства, вход в новую схоластику средневековья. «Коллективный Запад» вошел в ситуации качелей и вынужден выигрывать время, чтобы сохранить свою власть над миром.

Архаичность политического карнавала свидетельствует о его лишенности какой-либо утонченности и научной глубины.

Политический карнавал как сатира на политическую элиту (анализ природы политического смеха)

Умение шутить – отличительная черта человеческого коммуникативного поведения. Смех не просто родовой признак человечества, но и механизм создания его личности. Смех звучал повсюду, где реальность вызывала сомнение в ее подлинности. Шутник всегда создает вокруг себя карнавальную атмосферу, а сатирик привносит в неё ещё и карнавальное действие. И мир политики не является исключением из этого общего правила.

Политический юмор является предметом специального научного исследования (Дмитриев, 1998; Дмитриев, & Сычев, 2005; Козинцев, 2007; Рюмина,

2020), где рассматривается как один из важнейших элементов политического процесса. Это не только особая психология и коммуникация, но и традиция поведения и оценки сущности власти.

Весьма интересна в этой связи трактовка смеха в романе У. Эко «Имя розы» (Umberto Eco «Il nome della rosa», 1980). Эксперты отмечают, что суть романа «состоит в столкновении диаметрально противоположных типов культуры, которые отстаивают слепой монах Хорхе Бургосский, реальный властитель монастыря, и Вильгельм Баскервильский, бывший Великий инквизитор. Тайна сгущается вокруг второй части «Поэтики» Аристотеля, посвященной природе смеха. По мнению хранителя, смех уничтожает страх людей перед любой властью – светской или религиозной. Смех придает смелость, он порождает самостоятельность мышления, человек начинает сомневаться в законности властных притязаний. Смех размывает границу между элитой, которая владеет секретом власти, и профанами. Смех уничтожает авторитаризм и ведет к главенству демоса. Смех разрушает тайну власти и манипуляционные соблазны, он освобождает личность от интеллектуальной кабалы и предоставляет свободу выбора» (Струкова, 2016, стр.136–137).

Ортодоксы-традиционалисты утверждают, что секрет смеха «может быть открыт посвященным самого высокого уровня, а их в мире единицы. Доступная каждому тайна смеха перестает быть тайной и легко превращается в оружие против властителей, тем более что секрет этот освещен непрерываемым для европейских интеллектуалов именем Аристотеля» (Струкова, 2016, стр.137). Свой главный аргумент они формулировали так: «Христос не смеялся никогда, он всегда был серьезен». Подобного рода утверждения равнозначны самозванству (присваивания себе роли Бога).

Смех понимался как освобождение человека от пут духовного и физического рабства. Еще М.М. Бахтин обращал внимание на то, что «серьезность нагромождает безысходные ситуации, смех подымается над ними, освобождает от них. Смех не связывает человека, он освобождает его... Односторонне серьезны только догматические и авторитарные культуры». (Бахтин, 1990)

Смех оценивался как радость и лекарство, которое дает ощущение некой свободы. Но юмор оказывался и одновременно и самым эффективным политическим оружием. Но в политике смех приобретает некоторые особенности. Здесь в любой момент можно сказать: это просто шутка, все неправда и игра! Политический юмор становится пространством разнообразных экспериментов, которые несут относительную свободу говорить то, что в других случаях категорически запрещено. В политике к смеху относятся как к «дьявольскому оружию», подрывающему привычный ход вещей (поэтому смех здесь оценивается как сила, разрушающая существующий порядок). Власть тогда становится для всех смешной, когда все начинают пользоваться смехом в качестве политического оружия, когда смех становится сам влиятельной

властью. Тот, кто имеет смелость смеяться над властью, уже является свободным человеком.

В политике смешным является любая её неадекватность. Особенно когда субъект власти выдает себя за того, кем он на самом деле не является. Самозванство, непрофессионализм, мания величия, самодурство и тому подобные негативные характеристики вызывают не только недоумение, но и усмешки, критику, смех и едкую сатиру. Но чаще всего этот смех над нерадивыми политиками бывает сквозь слезы разочарования, боли и страдания рядовых граждан.

Политическая сатира усиливается в переломные моменты истории, когда возникает необходимость разрушения сакральности прежней власти, которую начинают выставлять в неприглядном моральном и психологически неадекватном свете. Предметом осмеяния становится вся предшествующая жизнь, система ценностей которой утверждается в массовом сознании как некая историческое зло. Происходит тотальное отрицание предшествующего периода, как чего-то нас недостойного. И именно смех становится мощнейшим средством подсознательного внушения.⁷

Как источник юмора, политический карнавал смешит публику своими забавными и поучительными историями, чаще всего анекдотического характера. Политический анекдот может выступать в виде итога политического карнавала, а может быть его составной частью. Чем ярче нестандарт, тем лучше он запоминается как анекдотический случай. Эта случайность всегда носит исключительный характер, она всегда является исключением из общих правил.

Природа юмора и сатиры всегда носит карнавальный характер. Но не любой политический карнавал заставляет нас (не участвующую в нем публику) смеяться. Некоторые вызывают обратные чувства. Сатира и юмор политического карнавала могут быть грубы и злы, поскольку отражают сущность конкретного политического бытия, который является их источником. Если юмор может быть нейтрально сдержан, то сатира должна быть агрессивной, иначе она не дойдет до адресата. Сатира это есть насилие юмора над абсурдом. Поэтому сатира это перешедший к насилию юмор. Но насилие насилию рознь. То насилие, о котором идет здесь речь, идет не во вред, а во благо человека, поскольку возвращает его к его нравственному состоянию.

Природ карнавального смеха условно делится на бесовский хохот и ангельский смех. Когда во время политического карнавала смеются сами его участники, то этот смех воспринимается как сатанинский хохот; когда над

7 В СМИ тогда фиксировалась самая настоящая атака на прошлое, с целью ее тотального пересмотра: «Вспомним события не столь уж отдаленного прошлого — начало и разгар "перестройки". Ах, как смеялись мы тогда! Как было весело! Какие, выражаясь языком Велемира Хлебникова, "смехачи" нас смешили: Хазанов, Жванецкий, Задорнов, Альтов, Петросян!.. Цех профессиональных юмористов оказался востребован и был задействован на полную мощность. Пародирование шамкающего Брежнева и картавящего Ленина; тема "бревна" и субботников; тема производства и воровства; алкоголизма; нищих "наших" и шикарных "ихних"... Не перечисль всего того, что стало вдруг смешным и потешным» (Чертков, 2002).

участниками политического карнавала смеются простые граждане, то через них этому миру передают свой смех ангелы. Хохот циничен и безнравственен; смех признак устоявшей под натиском зла морали. В политическом карнавале действительно есть что-то бесовское, что-то запредельное для нашего понимания морали и разума. Поэтому те, кто устояли перед его диким хохотом, сохранили не только свое человеческое обличие, но и человеческую сущность. Именно поэтому гуманизм (Любовь + Этика + Разум) есть главный враг карнавальной политической культуры.

«Изнаночный мир»: сатир на троне

Природа политического карнавала относится к так называемому изнаночному миру. По мнению Д.С. Лихачева, изнаночный мир противостоит не действительности, а идеалу – дьявол противостоит не человеку, а Богу (Лихачев, & Панченко, & Поньрко, стр. 17-19). Если (как говорил Платон) идеальный правитель это – философ на троне, то изнаночный (извращенный) правитель – это сатир на троне. В политическом карнавале на поверку оказывается все ложным, все подменено – это не элиты, а элитки, не политик, а политикан, не лидер, а трикстер и т.д., и т.п. Поэтому для политического карнавала нормально, что вместо философа на троне оказывается самый настоящий сатир...

«Веселая материя» народного карнавала (выражение М.М. Бахтина) противостоит «антиматерии» политического карнавала элиток: в таких антимирах «фактически нет национальной специфики в содержании, нет бытового плана в точном смысле слова, а есть общезначимые для многих фольклорных традиций карнавализованные стереотипы мышления и поведения» (Ивлева, 1994, стр.92).

Политический карнавал – сгусток темной энергии, идущей из мрачных глубин непубличной политики. Если сон разума рождает чудовищ, то глубины непубличной политики являются лабиринтом, в котором живут и злобствуют политические химеры.

Политический карнавал бросает вызов не только самой политической системе, но и истории – он показывает, что правящие элиты не справляются с вызовом своего времени.

Политический карнавал – высшая форма лицемерия.

Карнавальные политиканы – это персонажи с минимальным политическим рейтингом.

Настоящее есть переосмысленное прошлое. Но у карнавальных элит нет будущего. У них нет и настоящего. Нет и прошлого. Наблюдения за поведением современных политических элиток «коллективного Запада» указывают на то, что они делают то, что хотят, а не то, что должны делать. При этом чудовищное словоблудие доказывает отсутствие рефлексии и кризис критического ума. Им

ничего и ни за что не стыдно. Политический карнавал смеется над стыдом. Этика вообще здесь недопустима. Мораль становится наизлейшим врагом. Поэтому совести в политическом карнавале нет и быть не должно.

В политическом карнавале мы наблюдаем сведение качественных характеристик политических практик к их количественным и формальным выражениям (Зарубина, & Кравченко, 2022, стр. 37). Многими отмечается деструктивная архаизация политики, а также ложная симметрия, ложная логика и такая же ложная диалектика.

В политическом карнавале искусственность событий представляют как естественное событие. Представить искусственное как естественное значит представить реальность в извращенном виде и в неправильном свете.

В рамках карнавальной политической культуры такие выражения, как «кретин» и «идиот» являются воинскими званиями и почетными министерскими должностями. Они ничуть не мешают таким персонажам занимать ответственные политические позиции во власти. И сам этот факт вызывает сатирические оценки их деятельности.

Иногда карнавализация политики превращает в политический карнавал целые страны. Так, например, новейшая политическая история Украины это один сплошной англосаксонский языческий кельтский праздник Хэллоуин («Halloween» – «Вечер всех святых»). Все действующие политики в стране «У» имеют одну и ту же маску-личину – фонарь из тыквы. И что самое главное никого – ни их англосаксонских кукловодом, ни самих украинских политиков, ни украинскую и мировую публику – никого эта личина не смущает. Всё нормально. И это их норма.

В политику пришли дилетанты, которые заваливают любое дело, за которое они берутся. Это самые настоящие Митрофанушки. Они политические недоросли. И это благодатная пища для роста политической сатиры. Еще Сократ издевался над незрелой афинской демократией, когда к власти приходили демагоги, дилетанты и авантюристы. В результате этого, народное собрание, которое при демократии имеет право решающего голоса, не могло считаться эталоном политической мудрости – «народ» явление разншерстное с неопределенными запросами и потребностями и потому мало пригодное для принятия какого-либо разумного политического решения (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, III, VII, 6). (Ксенофонт, 2007). Сократ с юмором относился к решениям народного собрания: когда однажды зашла речь о нехватке лошадей, он посоветовал и этот вопрос решить на народном собрании и путем голосования превратить ослов в лошадей... Из этого сарказма Сократа и вытекает наша типология политических элит...

В политическом карнавале всё чаще встречаются около политические оппортунисты и авантюристы, которые живут одним днем, которые утратили свою идентичность, здравый смысл и моральные устои. Это безликие сущности, которые ничего не выражают и ничего собой не представляют.

Резкое падение качества политики, деградация элитарного превосходства – прямое указание на политическую карнавальность (Карабущенко, 2022).

Когда мир катится в ад, политический карнавал воспринимается и оценивается как пир во время чумы...

Природа политического смеха

По всей видимости, смех стоял у истоков рождения человека, поскольку является нашим общим родовым признаком. Человек стал человеком тогда, когда впервые засмеялся.

Природа смеха действительно уходит своими корнями в доисторические времена. «Смех вводит парадокс, определяемый следующим фреймом: «Что бы мы сейчас ни делали и ни говорили – неправильно, но это лишь игра; мы якобы посягаем на идеал, но не примите этого всерьез». На индивидуальном уровне этому соответствует знаменитая формула двоемыслия: «У меня есть мысль, но я с ней не согласен»... смех – бессознательный метакоммуникативный сигнал, сопутствующий антиповедению (хотя и не всякому), знак символического, игрового нарушения внутреннего запрета. Нарушения бескорыстного – ради нарушения, а не ради некоей докультурной животной корысти... Смех – всегда смесь «можно» и «нельзя», две противоположные по смыслу команды, звучащие одновременно». (Козинцев, 2002а, стр.151 – 153)

Традиционно считается, что смех представляет собой метакоммуникативный сигнал несерьезности агрессий, который непосредственно связан с карнавалом (Козинцев, 2002б, стр.216. Смех существует на грани противоположных смыслов. «Смех и страх связаны непрерывной гаммой переходов. Хотя смеховой мир представляет собой лишь часть «антимира», вычленив первый из второго, как предлагают М.М. Бахтин и Б.А. Успенский, вряд ли возможно» (Козинцев, 2002а, стр.155). Мораль есть запрет на хамство. Снимая моральные запреты, мы опускаемся в мир недочеловека. Смех над этим позволяет нам преодолеть указанный порок. Смех есть лекарство от дикости, средство преодоления в себе великого хама. Смех рождает человека в недочеловеке, а карнавал временно возвращает нас в исходное состояние.

Нарушение логики в политическом мышлении, приводит к соединению не соединяемого, в результате чего возникают откровенно комические сюжеты. Порой начало фразы не соответствует ее завершительной части. Тезис оказывается с чужим антитезисом и с совершенно непонятным синтезом. Так, польский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии Владислав Гомулка (1905 – 1982) сказал: «Если бы нам хватило жести, мы завалили бы весь мир мясными консервами. Но у нас нет мяса...»

Во время Великой французской революции ее великий диктатор Робеспьер ввел культ высшего существа, первым из которых он объявил Ж.-Ж. Руссо.

Через год Робеспьера отправили на гильотину. В истории произошел психологический слом – революция стала пожирать своих героев. «Высшие существа» оказались не просто смертными, они еще оказались и совершенно беззащитными перед лицом злого рока. История зло над ними всеми посмеялась. Этот пример черного юмора показывает, во что превращается политика, когда в ее пространство вторгается энергетика антиматерии политического карнавала.

Смешно слышать утверждение американских политиков о том, что США самая миролюбивая страна в мире, которая всегда находится на стороне добра и света. Там, где нет совести, смешно слышать рассуждения о морали. Аморализм смешон, когда рассуждает о морали, а откровенная глупость – о мудрости. Смех появляется на грани возникшего очевидного противоречия. И чем абсурднее это противоречие, тем сильнее бывает эффект смеха.

Политический анекдот и политическое шутовство: природа карнавального юмора и сатиры

Природа политического анекдота кроется в аномалиях политической власти, в тех ее отклонениях, которые не просто нарушают норму, но и бросают ей вызов. Политический анекдот и политическое шутовство являются прямым указанием на существование политического карнавала и карнавальной политической культуры. Они являются его неизменными атрибутами. И как атрибуты они выполняют определенную функцию. Чаще всего это функция рекламного характера, которая призвана оживить и вновь привлечь внимание к происходящему. Но анекдот не просто оживляет политическую картину, но и подсказывает, под каким углом на нее следует смотреть и какие скрытые смыслы в ней следует искать. Он больше намекает, чем веселит. Его цель не рассмешить, а показать подлинную натуру участников этого анекдотического действия.

Политический анекдот может быть в качестве некоего назидательного поучения, так и в виде досадной политической нелепицы (ошибки, недоразумения). Но неизменно он вызывает не только улыбку и смех, но и некое нравственное размышление назидательного характера (он заставляет слушателя размышлять над рассказанной в нем историей).

Известно, что в XVIII в. была мода на политический анекдот. И чаще всего главными героями таких историй являлись какие-то великие исторические личности (Екатерина Великая, Потемкин, Суворов, император Павел I и др.). В них любопытствующий читатель находил добавления к официальной версии истории. В XX столетии уже советские политические лидеры стали героями политических анекдотов. По их характеру можно судить как об отношении народа к их правлению, так и о том, как в глазах масс выглядел тот или иной конкретный партийный деятель. Сам факт наличия подобного рода анекдотов указывал на карнавальное восприятие обществом своей политической действительности. Хрущевский или Брежневский политические карнавалы

затем сменились Горбачевским и Ельцинским. Народ смеялся над этими анекдотами, не всегда понимая, что ничего хорошего этот его смех ему не несет. Власть допускала этот смех, полагая, что это пар, уходящий в свисток.

Политический анекдот и политическое шутовство указывают на извращенный характер политических отношений, на то, что они приобрели не вполне профессиональный (нормальный) характер. Анекдот и есть выход за пределы нормы её нарушением. Он сам по себе есть политическая аномалия. Вот именно его аномальность и вызывает смех и слезы у публики.

В политическом анекдоте бывает порой сложно отличить, где историческая реальность, а где вымысел (народное или элитарное творчество). Но то, что анекдот всегда указывает на какое-то конкретное историческое время, является бесспорным. В таком рассказе всегда проступает как историко-культурный контекст, так и критический и сатирический его подтекст. По нему и следует определять источник его происхождения, а, следовательно, и сам характер содержащейся в нем информации.

В политическом анекдоте актер окончательно становится актёром. Он играет те роли, которые ему отводит политическая сатира. Политик здесь уже себе не принадлежит, потому что потерял самого себя как историческую личность. Всё, что он может, так это обижаться или не обижаться на политический анекдот, узнавать или не узнавать в нем самого себя. Но это дело каждого, что ему выбирать: умный может шутить над самим собой, тогда как дурак не умеет ничего из этого, но может шумно и долго на всех обижаться.

Заключение

Для того, чтобы почувствовать природу политического карнавала необходимо самому виртуально погрузиться в пространство карнавальной политической культуры: необходимо быть не только внимательным наблюдателем, но желательно ещё и историком, психологом, культурологом... Антимир политического карнавал раскрываются не сразу. Но увидевшие хотя бы раз эту бездну, оказавшиеся по ту сторону добра и зла, оказываются в состоянии посвященных в некие политические таинства, оказываются вхожими в мир политического зазеркалья и закулисья. Они «вхожие», но не «свои» для участников политического карнавального действия. Они все равно оказываются для них чужим, инородным элементом. Метод включенного наблюдения позволяет видеть живую ткань политического карнавала. И оно чаще всего воспринимается как лоскутное одеяло, сотканное из множества плохо соединимых элементов. Химеры политического карнавала существуют не долго, но очень ярко.

И в этой связи постоянно возникает один резонный вопрос: зачем вообще нужен этот политический карнавал? Зачем политики осознанно участвуют в карнавальном политическом действии, которое опускает их на одну ступень в

их культурном развитии? Ответ кроется в том, что создавая одну большую карнавальную маску, они легко прячут под ней свои пороки. К тому же, судя по всему, их профессиональный уровень развития оказывается столь низким, что и собственно опускаться им некуда и не зачем. Они по-другому просто не могут. Это их потолок профессиональной компетентности. И в глазах искушенной публики они выглядят комично, потому что сама публика оказывается в критическом восприятии политической действительности выше их т.н. «элитарного уровня».

Список литературы

- Бахтин, М.М. (1990) *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. «Художественная литература».
- Дмитриев, А.В. (1998) *Социология политического юмора*. РОССПЭН.
- Дмитриев, А.В., & Сычев, А.А. (2005) *Смех: социофилософский анализ*. Альфа-М.
- Зарубина Н.Н. (2017) Уважение к научному сообществу как предпосылка доверия к институту науки в современной России. *Социологическая наука и социальная практика*, 5(1), 89–107. doi: 10.19181/snsp.2017.5.1.4994
- Зарубина, Н. Н., & Кравченко, С. А (2022) «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал. *Полис. Политические исследования*, (1), 31–44. doi: 10.17976/jpps/2022.01.04
- Ивлева, Л.М. (1994) *Ряженье в русской традиционной культуре*. Российский институт истории искусств.
- Карабущенко, П.Л. (2022) *Карнавальная политическая культура*. ИНФРА-М.
- Козинцев, А. Г. (2002а). Смех и антиповедение в России: Национальная специфика и общечеловеческие закономерности. В А. Г. Козинцев (Ред.), *Смех: Истоки и функции* (с. 147–174). «Наука».
- Козинцев, А. Г. (2002б). Послесловие: Карнавализация и декарнавализация. В А. Г. Козинцев (Ред.), *Смех: Истоки и функции* (с. 211–221). «Наука».
- Козинцев, А.Г. (2007) *Человек и смех*. Алетея.
- Колесников, А. (2018) *Когда власть становится смешной*. Получено из 7 дней website: <https://www.7days.us/kogda-vlast-stanovitsa-smesnoj>
- Ксенофонт. (2007) *Сократические сочинения*. Мир книги.
- Лебедева, И. В. (2021) Немецкий карнавал – политическая элита без цензуры. *Вопросы элитологии*, 2(4), 85–97. doi: 10.46539/elit.v2i4.86
- Лихачев, Д.С., Панченко А.М., & Понырко Н.В. (1984) *Смех в Древней Руси*. «Наука».
- Лотман, Ю. М. (1992). О семиосфере. В *Избранные статьи в трех томах* (Т. 1, сс. 11–24). Александра.
- Пропп, В.Я. (1999) *Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне)*. Лабиринт.
- Рюмина, М.Т. (2020) *Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность*. URSS.

Струкова, Т. Г. (2016) Умберто Эко: о власти, смехе и слове. Вестник ВГУ. Серия: Философия, (3), 130-139.

Чертков, Е. (2003, январь 7). Смех, идеология, власть. Завтра, 2(477).

Эко, У. (2006) Имя розы. Симпозиум.

References

- Bakhtin, M.M. (1990) *The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. "Khudozhestvennaya literatura" (In Russian).
- Chertkov, E. (2003, January 7). Laughter, ideology, power. *Zavtra*, 2(477) (In Russian).
- Dmitriev, A.V. (1998) *Sociology of political humor*. ROSSPEN (In Russian).
- Dmitriev, A.V., & Sychev, A.A. (2005) *Laughter: socio-philosophical analysis*. Alfa-M (In Russian).
- Eco, U. (2006) *The name of the rose*. Symposium (In Russian).
- Ivleva, L.M. (1994) *Ryazhenie in Russian traditional culture*. Russian Institute of Art History (In Russian).
- Karabushchenko, P.L. (2022) *Carnival political culture*. INFRA-M (In Russian).
- Kolesnikov, A. (2018) *When power becomes ridiculous*. Retrieved from 7 days website: <https://www.7days.us/kogda-vlast-stanovitsa-smesnoj> (In Russian).
- Kozintsev, A. G. (2002a). Laughter and anti-behavior in Russia: National specificity and universal regularities. In A. G. Kozintsev (Ed.), *Laughter: Origins and functions* (pp. 147-174). "Science" (In Russian).
- Kozintsev, A. G. (2002b). Afterword: Carnavalization and decarnavalization. IN A. G. Kozintsev (Ed.), *Laughter: Origins and functions* (pp. 211-221). "Science" (In Russian).
- Kozintsev, A. G. (2007) *Man and laughter*. Aleteia (In Russian).
- Lebedeva, I. V. (2021) German carnival - political elite without censorship. *Issues in Elitology*, 2(4), 85-97. doi: 10.46539/elit.v2i4.86 (In Russian).
- Likhachev, D.S., Panchenko A.M., & Ponyrko N.V. (1984) *Laughter in ancient Russia*. "Nauka" (In Russian).
- Lotman, Y. M. (1992). On the semiosphere. In *Selected articles in three volumes* (Vol. 1, pp. 11-24). Alexandra (In Russian).
- Propp, V.Y. (1999) *Problems of comism and laughter. Ritual laughter in folklore (on the tale of Nesmeyan)*. Labyrinth. (In Russian).
- Ryumina, M.T. (2020) *Aesthetics of laughter. Laughter as a virtual reality*. URSS (In Russian).
- Strukova, T. G. (2016) Umberto Eco: on power, laughter and the word. *Vestnik VSU. Series: Philosophy*, (3), 130-139 (In Russian).
- Xenophon (2007) *Socratic writings*. Book World (In Russian).
- Zarubina, N. N., & Kravchenko, S. A. (2022) "New barbarism" in civilizational perspective: the impact on human capital. *Polis. Political Studies*, (1), 31-44. doi: 10.17976/jpps/2022.01.04 (In Russian).
- Zarubina, N.N. (2017) Respect for the scientific community as a prerequisite for trust in the institution of science in modern Russia. *Sociological science and social practice*, 5(1), 89-107. doi: 10.19181/snsp.2017.5.1.4994 (In Russian).